

НЕЗАВЕРШЕННЫЕ СПОРЫ

Что такое славянофильство? В чем особенность славянофильской любви к России? Почему сами славянофилы и вслед за ними многие ученые и критики считали и сейчас считают славянофильство ярким и искренним проявлением русского гения? Почему славянофильские теории в той или иной форме противопоставляют тем духовным ценностям, которые были созданы революционными демократами, и их любви к России? В чем причина того, что интерес к славянофилам снова сегодня поднялся у нас? Почему разговор о славянофилах непременно перерастает в спор о славянофилах и всегда остается как бы нечто такое, о чем еще не доспорили?..

В начале нашего века известный историк К. Н. Бестужев-Рюмин («Бестужевские курсы») в патетическом тоне восклицал: «Стыд и срам русской земле, что до сих пор в Москве Собачья площадка (где жил Хомяков) не зовется Хомяковской и не стоит на ней его статуя. Хомяков! Да у нас в умственной сфере равны с ним только Ломоносов и Пушкин»¹. Для Н. А. Бердяева было аксиомой: «Славянофилы, а не западники, би-

¹ Цит. по кн.: В. З. Завитневич. Алексей Степанович Хомяков. Изд. 2-е, т. 2. Киев, 1913, с. 1.

лись над загадкой, что помыслил творец о России и какой путь уготовил ей¹. Именно они были носителями «русской идеи», чувства провиденциальной роли России в истории человечества, которая как бы по-своему подтвердилась в катаклизмах XX века.

И сегодня в западных работах о славянофилах так или иначе утверждается их приоритет в постановке коренных вопросов русской исторической и духовной «самобытности».

Западнонемецкий ученый Э. Мюллер в книге «Русский интеллект в европейском кризисе» (1966) на всех поворотах истории общеевропейских духовных исканий 20—50-х годов прошлого века представителем русского «интеллекта» выдвигает Ивана Киреевского, причем сам «кризис» понимается им в категориях Киреевского как кризис гегелевского «рационализма», выход из которого возможен только в «синтезе» различных религиозно-философских учений². О других течениях русской мысли, более плодотворно искающих для России пути в будущее и участвовавших в общеевропейском философском движении, автор книги умалчивает. Иногда он лишь расплывчато упоминает об антагонистах славянофилов, о «западниках», сваливая по обычую в одну кучу и Кавелина, и Грановского, и Герцена, и Белинского.

Американский ученый П. Христофф объясняет быстрый расцвет русской литературы после Крымской войны, когда она «превратилась в одну из богатейших в мире», тем обстоятельством, что Россия не пошла «по пути прозападнических химер и утопий»; источники нашлись в глубине ее собственной жизни, «в противовес

¹ Николай Бердяев. Алексей Степанович Хомяков. М., 1912, с. 247.

² См.: Eberhard Müller. Russischer Intellekt in europäischer Krise. Ivan V. Kireevskij (1806—1856). Köln—Gras, 1966, S. 235, 237, 310, 325. В дальнейшем кратко — Е. Мюller.

неславянофильским интеллектуалам и пророкам»; славянофилы были первыми, которые почувствовали величие Пушкина и Гоголя, и «среди первых, которые способствовали талантливым русским современникам обратиться к национальной сокровищнице за вдохновением, содержанием и тематикой (*subject matter*)»¹. Правда, остаются неясными сами эти источники самобытности, дремавшие в пластиках народной жизни: П. Христофф путано объясняет их, не раз подчеркивая, что ни одно из умственных течений в России не имело возможности обратиться прямо к народу, безграмотному, забитому, неспособному понять проблем, над которыми ломали головы интеллигенты всех направлений, и чуждавшиеся их². Тем самым как бы исключается самая возможность даже объективного представительства народных интересов в каком-либо из течений русской мысли. Тогда откуда же сила прозрений у славянофилов? Только слегка П. Христофф журил славянофилов за то, что они в своей самоуверенности недостаточно вдумывались в то, о чем писали Герцен и Белинский, и проглядели те условия, которые существовали в России для ненавистных им явлений — материализма и революции³.

Ценные сопоставления делает польский ученый А. Валицкий в книге «В кругу консервативной утопии» (1964). Славянофилы и западники рассматриваются как

¹ Peter K. Christoff. An Introduction to Nineteenth Century Russian Slavophilism. A Study in Ideas, vol. 2, I. V. Kireevskij. Mouton. The Hague — Paris, 1972, p. 340—341. В дальнейшем везде кратко: P. Christoff. Цитаты из зарубежных изданий даются в нашем переводе.— В. К.

П. Христоффом задуманы четыре тома о славянофилах. Он в 1961 году выпустил монографию о Хомякове и намерен в будущем написать последние две части, о К. Аксакове и Ю. Самарине.

² См., например, высказывание П. Христоффа по этому вопросу в заключительной части его книги о Киреевском.

³ Там же, с. 331.

разновидности «двух утопий» (так названа у него целая глава), враждовавших между собой, но одинаково не-практических, и обеих их давил николаевский пресс. Обе они, каждая по-своему, абстрактно представляли себе западные порядки, не сумев разобраться в их экономических тайнах, подлинной реальности. Между двумя утопиями было много общего: они одинаково критически относились к режиму в стране, политике «официальной народности», крепостному праву и европейскому капитализму. А. Валицкий пишет, что «именно утопичность определяла степень сближения обеих структур мировоззрения»¹. Однако не слишком ли абстрактная мерка взята А. Валицким для сближения двух борющихся политических течений? Славянофильство оказывается даже более устойчивым, чем западничество: последнее распалось к 1848 году, а славянофильство просуществовало в своем классическом виде до реформ 1861 года. И здесь чрезмерная отвлеченность рассуждений автора приводит его к невольному возвеличиванию в целом критически оцениваемой консервативной утопии славянофилов за счет западничества, представленного как нечто эфемерное и эклектичное. Но если на самом деле говорить о традициях западников, особенно таких, как Герцен и Белинский, боровшихся за новую, подлинно демократическую Россию, то эти традиции продолжали действовать в русской истории вплоть до 1917 года.

Как видим, к однобокой оценке славянофилов могут побуждать авторов различные причины: и исследовательское пристрастие к предмету изучения, нарушение историзма и классового подхода, некоторая абстрактность критерии. Бывает и прямая корысть, связанная

¹ Andrzej Walicki. W kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego słońcianoślistwa. Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1954, s. 363.

с идеологической борьбой. В любой самой благонамеренной западной работе о славянофилах так или иначе подспудно присутствует мысль: а что было бы с Россией, если бы она пошла по пути Хомякова и Ивана Киреевского? Отсюда интерес ко всем тонкостям их построений, некритический пересказ самых отвлеченных теорий.

В чем же причина повысившегося интереса к славянофилам за последнее время?

Долгое время у нас многие деятели русской литературы и общественной мысли вовсе не изучались. Славянофилы вдруг приобрели обаяние новизны, неизведанности. Некоторые молодые литературные критики ухватились за славянофилов как за авторитеты подлинно русской мысли, носителей какой-то еще не учтенной «правды» о русской жизни (как и за Никона и Аввакума). Подкупала громко провозглашавшаяся самими славянофилами их «русскость», борьба за престиж всего русского. Несомненно, тут сказалась известная реакция на долгое замалчивание славянофилов и на шаблонное изучение их антагонистов, революционных демократов, на приевшееся, безвкусное, к делу и не к делу цитирование одних и тех же лиц.

Но правильный ориентир терялся молодыми критиками, они стали противопоставлять «свои» славянофильские хоругви «космополитическим» знаменам декабристов и демократов.

В памятной еще дискуссии о славянофилах на страницах «Вопросов литературы» (1969, №№ 5, 7, 10 и 12) рядом участников были подвергнуты критике эти искаждения и преувеличения роли славянофилов в истории русской литературы и общественной мысли, их идеализация.

Нет нужды бросаться из нигилизма в апологетику. Это крайности, мешающие изучению явления по суще-

ству. Были ведь в советской науке прецеденты правильного, трезвого подхода к вопросу.

Академик Н. Державин в 1939 году в статье «Герцен и славянофилы» заявлял: «...Мне неизвестно ни одной (послереволюционной.—В. К.) специальной работы по славянофильству, хотя тема эта, несомненно, заслуживает самого серьезного внимания»¹. Державин обстоятельно осветил вопрос о взаимоотношениях Герцена и славянофилов,— этот аспект позволял войти в существование самых важных проблем,— и поставил задачу определения классовых позиций славянофилов. Он рассматривал славянофилов как «группу националистически настроенной либеральной буржуазии». Заметим предварительно, что такое определение вряд ли правильно.

Поворотным пунктом в изучении советскими учеными интересующей нас темы явилась статья С. С. Дмитриева «Славянофилы и славянофильство», представляющая собой обработанный доклад автора, прочитанный им на заседании сектора истории СССР Института истории АН СССР и напечатанный затем в первом номере журнала «Историк-марксист» за 1941 год. Автор поставил самые важные вопросы современного изучения славянофильства, проанализировал состав этого движения, указав на главных и второстепенных деятелей, наметил периодизацию, исследовал программу, теорию славянофилов, их отношение к реформе, попытался дать классовое определение этому движению. С. С. Дмитриев первым из советских исследователей заговорил об относительной прогрессивности отдельных сторон идеологии славянофильства. Он считает, что славянофилы — в своих субъективных намерениях — «партия помешичья», но объективно они выступали за «прусский путь» капитализации России. Не являясь «идеологией русской буржуазии», славянофильство 40—50-х годов в

¹ «Историк-марксист», 1939, № 1, с. 125.

итоге оказалось солидарно с либерально-буржуазными теориями. Следует признать, однако, что С. С. Дмитриев все же сбивчиво освещает важные вопросы. Если славянофилы объективно за «прусский» путь, то они — относительно прогрессивное явление. Но в то же время С. С. Дмитриев в целом называет их консерваторами на практике (то есть «объективно»), сближившимися с «официальной народностью». Автор статьи слишком преувеличивает буржуазность славянофилов, он упускает из виду другие аспекты проблемы, например, важные для нас — отношение славянофилов к художественному реализму, литературно-критическому движению.

Доклад С. С. Дмитриева вызвал в свое время оживленную дискуссию, материалы которой были опубликованы в том же номере «Историка-марксиста», где появилась и его статья¹.

Через десять лет А. Г. Дементьев в своих очерках по истории русской журналистики тщательно описал и исследовал славянофильскую журналистику: «Москвитина», «Московские сборники», «Русскую беседу», га-

¹ Участники дискуссии отмечали смелость и новизну постановки вопроса о славянофилах С. С. Дмитриевым, некоторые из них соглашались с основными выводами автора об относительной прогрессивности отдельных сторон в воззрениях славянофилов: требование отмены крепостного права, свободы слова, гласности суда, созывов земских соборов, развития промышленности (Е. А. Морковец, Б. Е. Сыроечковский, А. В. Шестаков). Но большинство при этом считало, что автор преувеличил прогрессивные моменты в славянофильской идеологии. Б. Б. Кофенгауз оспаривал утверждение, будто славянофилы стояли за суверенитет народа и отстаивали народное представительство; Н. М. Дружинин и др. упрекали С. С. Дмитриева за то, что тот рассматривал идеологию славянофилов в отрыве от идейной борьбы 40-х годов. Другие оппоненты указывали на необоснованность попытки сопоставления славянофильства с идеями феодально-христианского социализма на Западе: славянофильская критика капитализма не приобретала столь определенно социалистическо-утопического характера, она не учитывала рабочее движение (М. В. Нечкина и др.).

зеты «Молва», «Парус», «День». Для нас в данном случае особенно важны общие выводы автора: он определяет славянофильство как разновидность реакционно-националистического романтизма, близкого к «официальной народности». А. Г. Дементьев считает, что славянофильство — это «дворянская реакция на развитие капитализма и освободительного движения»¹. Как видим, славянофильство здесь рассматривается не в замкнутом кругу своих внутренних проблем, а в широком сопоставлении с освободительным движением. Отсюда и несколько отличные от других исследователей классовые оценки славянофильства у А. Г. Дементьева. Он считает, что славянофилы не были сторонниками буржуазного прогресса, а, наоборот, «стремились увековечить основы существующего общественно-политического строя, приспособив к нему некоторые стороны капиталистического прогресса» (без «язвы пролетариата»). А. Г. Дементьев решительно отказался от сближения славянофилов с мелкобуржуазным утопическим социализмом: теория славянофильства вырастала в борьбе с социализмом и коммунизмом. Основное определение А. Г. Дементьева следующее: славянофилы — либерально-дворянское движение. Думается, оно единственно правильное. От реакционного дворянства они отличались требованием ослабления гнета и улучшения общественного строя. Но этот «либерализм» не сливался с буржуазным либерализмом, отсюда отрицательное отношение славянофилов к критическому реализму в литературе и всему «западному».

При этом надо иметь в виду следующее: либерализм в разное время и у разных групп и лиц имеет различный характер. В 40—50-х годах XIX века, когда на арену еще не выступили крестьянские массы и была

¹ А. Г. Дементьев. Очерки по истории русской журналистики 1840—1850-х гг. М., Гослитиздат, 1951, с. 355.

слаба революционная демократия, либерализм мог проявлять, хотя бы в некоторых выступлениях и мотивах, большую смелость, несомненную искренность, субъективное благородство и соприкасаться с демократией и подлинным патриотизмом и народолюбием. Грановский — не Кавелин, Тургенев — вовсе не предшественник «веховцев», но и Хомяков — не Бердяев и Константин Аксаков — не Константин Леонтьев.

Это простейшее и очевиднейшее обстоятельство далеко не всегда учитывается исследователями в должной мере. В. И. Ленин в статье «О «Вехах» писал: «Либерал сочувствовал демократии, пока демократия не приводила в движение настоящих масс... Либерал отвернулся от демократии, когда она втянула массы, начавшие осуществлять *свои* задачи, отстаивать *свои* интересы¹. Думается, в этих словах ключ к славянофильству 40—50-х годов и к его повороту в 60-х годах («День» Ивана Аксакова) в сторону реакции.

Славянофилы критиковали крепостничество, бюрократию и чиновничество, аристократию и светское общество, они боролись за свободу мнений и слова. Но как патриархалы и утописты.

В области изучения славянофильства нас обступают вопросы и вопросы. Следует признать за непреложный факт, что славянофильство как явление русской общественной жизни 40—50-х годов XIX века изучено еще недостаточно. Нет даже сводной картины всех его разветвлений. Славянофилы были философами, историками, литераторами, журналистами, публицистами, богословами, лингвистами. Особой областью их деятельности являлись межславянские общения, контакты с учеными Чехии, Польши, Болгарии, Сербии, представляющие определенную ценность.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, с. 170, 171.

При исследовании любой из сторон деятельности славянофилов так или иначе приходится касаться и других ее сторон, хотя они неравнозначны по своему значению. Охватить их все одному исследователю очень трудно. П. Христофф, например, отказывается от выяснения генезиса славянофильских идей, их прецедентов в истории русской мысли. Э. Мюллер специально погружается в богословские проблемы, но слабее у него раскрыты другие.

Отчасти именно потому, что характеристика идей славянофилов не охватывает всех областей их проявления, в спорах всегда остается ощущение чего-то недосказанного: на аргумент из области философии приводится аргумент из области богословия, а на аргумент из литературной критики приводится аргумент из области исторических воззрений славянофилов. Помимо того, славянофилы были крайне противоречивы в своих взглядах и сами спорили друг с другом.

Главная же причина «недоспоренности» всех споров о славянофилах в следующем.

Многие идеи и настроения славянофилов возникали в процессе диалектического раздвоения таких начал, из которых вырастали также и идеи и настроения декабристов и демократов. Только на последующих стадиях особенно отчетливо обнаруживалось, что у славянофилов складывался в конечном счете иной вариант решения возникавших отсюда проблем, по сравнению с декабристами и демократами.

Формулу «у нас нет литературы» первым произнес декабрист Александр Бестужев (1825), потом Иван Киреевский (1830), позднее долго развивал в своих статьях Белинский (с 1834 г.). Есть сходство и различия в толковании формулы о раздвоении всего уклада в России на «народ» и «общество» вследствие реформ Петра I у Константина Аксакова и Белинского. Об определении «субстанции» русского народа хлопотали все русские

«шеллингианцы», славянофилы и западники, но вкладывали в это понятие различный смысл. Это тоже обнаружилось не сразу. Славянофилы, несомненно, упредили западников в своем пристальном внимании к русской сельской общине. Но смысл апофеоза общины получился со временем резко противоположный. Для славянофилов община — оплот патриархальщины, смирения народа, для Герцена община в преобразованном виде — источник социалистических инстинктов и навыков для крестьян.

Уловить каждый раз эту разграничительную черту очень трудно, если берутся для сравнения промежуточные стадии формирования учений и доктрин и сами мыслители допускают противоречия и непоследовательность в их разработке.

В предлагаемой книге нас интересует деятельность главных славянофилов — А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, П. В. Киреевского, К. С. Аксакова, И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина как писателей, их поэтическое творчество, их место в русской литературе и критике. Эту сторону наследства славянофилов обычно обходили самые шумные дискуссии последних лет, от нее отказываются авторы самых объемистых исследований о славянофилах¹.

Некоторое унижение славянофилов-литераторов вряд ли оправдано. Их стихотворения не читаются артистами публично, в хрестоматии их почти не включают. Даже на филологических факультетах славянофилов-писателей специально не изучают. А между тем многие стихотворения славянофилов были в свое время

¹ Мельком касается поэтического творчества Хомякова автор большого дореволюционного труда о нем В. З. Завитневич. II. Христофф пишет, что он уклоняется от рассмотрения взаимоотношений между славянофильством и русской литературой XIX века; P. Christoff, vol. 1, A. S. Chomjakov. Mouton — S. Gravenhage, 1961, p. 10.

очень известны и сейчас могут считаться стоящими на уровне классики, например стихотворения Хомякова: «Киев», «России», «Беззвездная полночь дышала прохладой...», «Звезды», «Подвиг есть и в сраженье...» и др. Отдельные стихотворения славянофилов положительно оценивались Некрасовым, Чернышевским, Шевченко. Имена славянофилов встречаются почти во всех полемиках 40—50-х годов¹. Так или иначе с их творчеством соприкасались в свое время Гоголь, Достоевский, Щедрин, Л. Толстой. Назрела необходимость в многоаспектном изучении литературного творчества славянофилов как закономерного явления эпохи. Надо изучить его генезис, организационные формы, проблематику.

¹ О славянофилах-поэтах имеется ряд ценных очерков советских литератороведов, преимущественно в виде предисловий к изданиям большой серии «Библиотеки поэта». Обстоятельно прокомментированы их отдельные стихотворения в текстологическом и историко-литературном плане. См. статьи и комментарии А. Г. Дементьева и Е. С. Калмановского в изд.: Иван Аксаков. Стихотворения и поэмы. Л., 1960; С. И. Машинского в изд.: «Поэты кружка Н. В. Станкевича» (раздел о К. С. Аксакове). М.—Л., 1964; Б. Ф. Егорова в изд.: А. С. Хомяков. Стихотворения и драмы. Л., 1969. О близком славянофилам Н. М. Языкове имеется статья К. К. Бухмейера в изд.: Н. М. Языков. Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1964. Можно рассматривать в качестве одной из первых попыток дать обобщенную картину славянофильского творчества нашу статью «Славянофилы и романтизм» в сб. «К истории русского романтизма». М., «Наука», 1973. Литературно-критические взгляды славянофилов рассмотрены Н. Г. Сладкевичем в соответствующей главе в изд. «История русской критики», т. 1, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958, а также в нашей работе «История русской критики». М., «Просвещение», 1972; о литературно-эстетических взглядах раннего И. В. Киреевского см. в кн.: Ю. Мани. Русская философская эстетика. 1820—1830-е годы. М., «Искусство», 1969. О фольклористической деятельности славянофилов, проливающей свет на их поэтическое творчество, см. монографию: А. Д. Соймонов. И. В. Киреевский и его собрание народных песен. Л., «Наука», 1971 (а также материалы в 79 томе «Литературного наследства». М., «Наука», 1968).

тику, жанровое своеобразие, связи с другими течениями в русской литературе, влияние его на последующий литературный процесс.

Конечно, поэтическое творчество славянофилов полно противоречий и общая ценность его невелика. И все же пора в нем разобраться, поистине непредвзято с исторической и классовой точки зрения. Особенno важен «классический» период славянофильства, т. е. 40—50-е годы.

129748